

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВЫЗОВ

Несколько смен
в московской скорой
провели наши
специальные
корреспонденты
Елена КОСТЮЧЕНКО
и Юрий КОЗЫРЕВ

www.novayagazeta.spb.ru www.novayagazeta.ru

Редакторы номера: Р. Дубов, А. Полухин

Общий тираж — 99 131 экз.

Novayagazeta.Ru — 34 700 000 просмотров за апрель.
Тираж одного номера в СПб — 1710 экз.

Газета печатается во Владивостоке, Екатеринбурге, Москве, Рязани, Санкт-Петербурге
Зарубежные выпуски: Казахстан

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.
Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-СПБ»
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: Д.Л. КАЧАЛОВА

Адрес редакции и издателя: 199048, Санкт-Петербург,
11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-СПБ».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2020 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией.
Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Зона № 28. Типография ООО «Фирма «КУЛЬСР», СПб, Благотворная ул., 43.
Цена свободная. Срок подписки в печать по тарифу: 19.30, 23.05.2020 г.
Номер подписки: 19.30, 23.05.2020 г. Время подписки номера в печать в СПб: 23.00, 24.05.2020. Указанные даты! Просим всех корреспондентов присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66, ООО «Медиа.С-СПБ».

Единый диспетчерский центр

ВЫЗОВ

Диспетчер Гончарова. Гончарова, как жена Пушкина, через «о». Нет, не Наталья. Александре 28 лет. У нее синие глаза и пушистые каштановые волосы, дальше — маска. Она говорит:

— Скорая помощь Москвы, что случилось? Под волосами спрятана гарнитура. Она сидит в зале, разделенном на ряды и отсеки, блекло-зеленого цвета. В зале еще 48 диспетчеров, три старших диспетчера (они сидят на возвышении вроде капитанского мостика) и 20 докторов-консультантов. Почти все — женщины.

Зал наполнен гулом голосов и звонков. Тишина не наступает.

— Скорая Москвы, что случилось? Какие боли — давит, колет, сжимает? С тяжелым дыханием или нет? У него еще и COVID, и тяжело дышать?

Посреди экрана появляется красная надпись: «Внимание! Данный адрес является карантинным!»

— Дата рождения? Над капитанским мостиком — виды Москвы — фонтан на Манежной площади, река огибает дома.

Над головой Александры — экран с зелено-полосатой диаграммой, она на нее косится. Зеленый показывает работающих диспетчеров, синий — ожидающих вызова. Синяя полоса появляется на несколько секунд, и Александра успевает отпить воды из розовой бутылки на столе. Прежде чем телефон звонит опять.

— Скорая Москвы, что случилось? Все звонки с номеров 103 и 112 поступают сюда. Со 112 вызов поступает через федерального диспетчера, это дольше, и в Центре предупреждают — если срочно и нужен только врач, звоните 103.

Перед диспетчером два монитора. На одном работает программа, в которую надо занести ответы. Программа сама «формирует повод к вызову» — принимает решение о выезде бригады, «никакая отсебятина не допустима». На вызов может поехать скорая помощь или неотложка. Неотложка медленнее, доедет за два часа, «но сейчас немножко все растянулось». Если повод к вызову не сформирован, звонящий переключается на врача-консультанта, и врач принимает решение, направлять ли бригаду.

На другом мониторе открыта карта, и Александра спрашивает: «Он лежит ближе к стадиону? Или во дворе? Вы видите кровь вокруг него?»

С началом пандемии традиционное приветствие сократили до четырех слов. Внесли изменение в программу — теперь температурами задают три вопроса вместо пяти. Каждый разговор пытаются уложить в 1,5–2 минуты, и перед диспетчером бежит секундная стрелка.

— Вам нужна полиция? У вас украли что? Соединяю.

В прошлом году Центр принимал от 12 до 15 тысяч вызовов в сутки. Сейчас доходит до 25 тысяч. Половина из них — симптомы ОРВИ или пневмонии. Много справочных звонков — и количество докторов-консультантов увеличили в два раза, до 45 человек. Сейчас дежурят 20, очередь к ним составляет 122 человека.

Обычно диспетчер принимает 350 вызовов за сутки. Теперь — 800. С середины апреля по первые числа мая был «самый ужас» — один человек принимал тысячу звонков. Это 40 звонков в час.

«Крыша едет, конечно, от объема информации. С февраля сидим на работе, — говорит Андрей Ольшевский, старший врач оперативного отдела. — Но я готов за население Москвы постоять».

Выходные по факту отменены. Диспетчер должен добраться до работы за два часа по звонку от старшего.

— Вы находитесь в ОВД вместе с пациентом? Любой контактный номер? Нужна консультация психиатра?

Александра печатает: «Рязанский ОВД, галлюцинации».

По залу проходят две женщины. Одна несет желтый мешок — туда диспетчеры не глядя бросают использованные маски. Вторая раздает свежие. Перчатки будут менять в 18 часов. На входе в зал

расставлены антисептики. К дезинфекции здесь относятся серьезно — 18 апреля умерла Татьяна Викторовна Дыбок, фельдшер по приему вызовов. Коронавирус.

«Добрая, отзывчивая. Ответственная она была. Никогда не отказывала в помощи. Пришла к нам в 96-м, — говорит ее подруга, диспетчер Валентина Николаевна Мустафина. Она тоже переболела. — Она детям помогала, у нее их четверо. На 1,5 ставки работала. Говорит: «Ты передай там на работе, что я на больничном». До 64-х она не дожила, получается». Татьяна Викторовна заболела 14 апреля и сгорела за четыре дня. Умерла во время КТ — скорая Ликино-Дулево отвезла ее в поликлинику с температурой 40. Поражение легких оказалось почти 90 процентов.

Александра поправляет фитнес-браслет под перчаткой и спрашивает: «А сколько лет мужу? Давление на данный момент какое? Дышит тяжело? Посмотрите на него, он красный? Спросите, что болит именно в груди? При кашле боль есть? Тяжело дышать?»

«Внимание! Данный адрес является карантинным!»

Адреса с выявленным коронавирусом подсвечиваются красным. Звонящий отрицает, что у него коронавирус, отрицает, что у него брали мазки, и Александра спрашивает: «Был ли контакт?» На столах лежит лист А4: «При оформлении вызова с неинфекционной патологией необходимо спросить: «Наблюдаетесь с COVID? Температура нет?» Иначе бригада приезжает на вызов с поводом «болит живот» без информации и подвергается опасности заражения. Берегите своих коллег!»

В программе появилась специальная галочка, чтобы диспетчер мог отметить свои подозрения.

Александра говорит: «Практически 80 процентов вызовов начинаются со слов «А у меня температура, и держится она пять дней. Но я никуда не иду, ни к кому не обращаюсь. Решил позвонить вам».

— Скорая Москвы, что случилось? Он задыхается, посинел, что-то поменялось? До КТ тоже одышка была? Он онкологический больной, сделала КТ? Тромбоземблия, КТ на руках, кто вызывает?

Пишет: «Отдышка, слабость».

Если нажать кнопку F12, программа даст тебе пятиминутный перерыв. Можно выйти в туалет. За сутки дают два раза по 20 минут — на обед и ужин. На диаграмме диспетчеры на перерыве помечены чашечкой с кофе.

Александра поправляет перчатки. До работы в диспетчерском центре она три года была фельдшером линейной бригады в Кашире. «У нас все иначе, конечно, не Москва. На вызовы по факту едешь всегда один. А сейчас ребята работают и несколько суток подряд». Вспоминает, как ее закрыли в квартире и пообещали скинуть с балкона, «если не спасешь брата» с разбитой головой. Но все равно скучает. «Здоровье не позволяет больше выездной быть. Здесь много таких, как я — бывших».

«Мое сердце меня немножко подвело, скажем так. У меня стоит очень давно диагноз кардиопатия. Не работает один клапан в сердце вообще, а четыре не закрываются. В данный момент прохожу терапию, чтобы укрепить стенки сердца. Чтобы снова вернуться на выезд, потому что... Сидя в диспетчерской, я чувствую, что я тупею. Скучаю по выезду. Но здесь тоже работа, тоже нелегкая».

— Нет внешнего кровотечения горлового?

— А в стационаре с чем лежала? Не с ковидом, нет?

Женщина через проход от Александры чеканит криком в трубку:

— Вы вызываете экстренную службу! Вы меня уже слышите или нет? Бригада скорой на КТ не госпитализирует, направление на КТ не выписывает! Температура есть у нас? Нет? Пневмонию вам не ставим, КТ не делаем!

Александра одна растит дочку. Маше восемь лет. С началом пандемии Александра отдала ее маме. Не виделись месяц. «Но мама у меня медицинская сестра участковая. Тоже контактная. Нереально ребенка от нас, медиков, защитить». Теперь они снова живут вместе. «Скажу: «Мне завтра, дочь, на сутки», она «Я с тобой поеду!» Я говорю: «Нет, ты со мной не поедешь, ты поедешь к бабушке». И до смешного, и истерики. «Я с тобой поеду, и всё». Когда я приезжаю с суток, она: «Мам, ты спать?» У нас обычный вопрос такой: «Мам, ты спать?» Вот, если я говорю, что «да, спать», значит, что маму лучше не трогать. Или я говорю: «Нет, всё нормально. Куда ты хочешь? Давай сходим, давай съездим, давай сделаем». То есть могу продолжать жизнедеятельность в нормальном русле. Бывает и такое, то есть бывало до коронавируса. Бывало».

← СТРАНИЦЫ 2-3

«Коронавирусная» линейная бригада

**(ВЫЕЗДНАЯ БРИГАДА СМП ПО РАБОТЕ
С БОЛЬНЫМИ ИЛИ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМИ
НА КОРОНАВИРУС)**

Николаю Бакину 26 лет. Это его третий год на скорой, он говорит: «21 августа — три года». У него сегодня пришел 12-й мазок. Отрицательный 12-й мазок.

Он коренастый. Качается в качалке у дома, чтобы «все-все выдерживать». Он знает все инструкции и обожает правила. Он с 34-й подстанции, но сегодня его направили на 9-ю — здесь не хватает людей. Коронавирус.

Сегодня он дежурит в паре с Михаилом Авдюковым. Они оба фельдшеры. Михаил работает на скорой восемь лет. Скорая уже отпечаталась на нем, обтесала лицо, глаза смотрят прямо. На его руке латынью выведено *Dum spiro, spero et amo* — «Пока дышу, надеюсь и люблю». Он москвич, но живет в Сергиевом Посаде — так захотела жена. За час спокойно добирается на работу, если без пробок. Пока пандемия, пробок нет, «за это ей спасибо».

Николай живет в Подольске. Ездит электричками. «И если в начале пандемии было пусто, то теперь они снова полные. Люди устали, у нас не Китай».

Однажды он работал на детской реанимации, «но больше никогда». «Мне нравятся взрослые». Он тоскует по временам, когда в вызовах были «инфаркты и инсульты». Он рассказывает, как молодого мужчину с инфарктом довели до реанимации, и «через 37 минут он уже лежал на операционном столе». Он рассказывает много историй, и они ничем не объединены, кроме того, что во всех скорая приезжает вовремя.

Он не сомневался, идти ли в коронавирную бригаду — но побаивался не справиться. «Раньше с пневмониями с бактериальными встречался, но это по-другому. Там очаг есть. А вирусную — ее выслушать невозможно, особенно в костюме. Ориентируемся на показатели дыхательной недостаточно-

сти. Пульсоксиметрия сопоставляется с частотой дыхательных движений. 200-ю, 300-ю пневмонию уже видишь с порога. Уверенность и спокойствие добавились».

Николай пришел в скорую после армии. Служил в войсках связи. Сразу после дембеля пошел в первый медицинский колледж. Вся группа подобралась служившая, «поэтому люди как бы ответственно подошли». Под конец осталось 22 человека из 30, и 15 ушли работать на скорую. Это редкость, это много, «бывает и 2–3 человека придут в профессию, остальные не выдерживают нагрузки просто».

Его первая практика была на 11-й подстанции. Студентов принимал Сергей Першин. «Сергей Геннадьевич нас собрал, провел краткий экскурс, объяснил, что делать можно, что нельзя, рассказал о работе. Как бы вводил нас в курс дела, что как. Он всю жизнь работал на скорой, 20 лет, на год ушел, но у него, значит, не получилось уйти из этой профессии. Он вернулся обратно. Скажем так, призвание его. Он меня первый работать к себе позвал!»

В конце апреля коллеги сказали, что Сергей Геннадьевич умер в «Коммунарке». Коронавирус, ИВЛ.

Михаил говорит: «Пандемия что поменяла? Работаем сутки через двое. Сутки пашешь, сутки спишь, сутки готовишься. С отдыхом не особо. Нагрузка не падает и даже не пыгается».

Николай говорит: «У нас непрерывное образование, учимся дистанционно, зарабатываем баллы. Все равно по полчаса в день можно выделить на лекцию, даже сейчас. Или читать. Я сейчас читаю американскую классику — «Моби Дик». В восторге, на 43-й странице! Там человек, которому стало скучно, решил все поменять. Посмотрим, чем закончится».

ВЫЗОВ 1

Коронавирусные бригады вызывают не только пациенты, но и «инфекционный пульс» штаба — для осмотра и проведения «спецмероприятий». Сейчас мы едем по вызову штаба.

Мы едем на код 22 — общежитие, но приезжаем в фотостудию.

Белые стены, софиты на заднике, парень в маске, перечеркивающей лицо наполовину. Его зовут Саша. Чувствует себя «прилично».

— Скажите, это вообще страшно? Коронавирус?

— У всех по-разному проходит, — говорит Михаил. — Вот у вас что?

— Слабость, потом пропало полностью обоняние.

— Температура повышалась?

— До 37-ми максимум.

— И понос?

— Вода, вода, водой идет.

Николай меряет давление, светит в рот телефоном. Чем дальше, тем меньше ребята торопятся — понятно, что пациент не тяжелый.

— Много, давлением страдаете?

— Были панические атаки.

— Такой чувствительный, — говорит Михаил.

— Эмоциональный, — поправляет Саша.

Каждого пациента с началом пандемии оценивают по шкале NEWS. Частота дыхания, насыщение крови кислородом, температура, давление, пульс — любое отклонение оценивается в баллах. Для госпитализации надо, чтобы пациент набрал шесть баллов или выше. По шкале NEWS Саша набирает лишь единицу. «Мы приехали чисто осмотреть вас. Вы не имеете права покидать это место. Душ, туалет, ванная, кухня есть тут? Мы пришлем сюда терапевта».

Предлагают съездить на КТ.

— А потом меня отпустят? Тогда надо поехать посмотреть. У меня еще глаза непонятно, не туман, а резь в глазах, типа щиплет немножко.

Садятся заполнять бумаги. Вокруг фальшивые папоротники, подушки с листьями, икеевские вешалки. Николай садится на столик, из планшета рассыпью выпадают брошюры про коронавирус.

— Да, вот это бюрократия, — тянет парень.

— Без бумажки вы никто.

— Будьте добры, мне надо сфотографировать ваше лицо, — говорит Михаил. — Серьезно, как на паспорт.

— Все переболеют, — говорит Саша.

— У меня тоже такое мнение сложилось, должны переболеть все.

Саша не глядя подписывает добровольное согласие на амбулаторное лечение. Среди всего прочего, обязуется установить на телефон приложение «Социальный мониторинг». Приложение уже прославилось в соцсетях — требует сфотографировать себя в четыре часа ночи и выписывает штрафы, если не услышало сигнала.

До пандемии Саша снимал «звезд, артистов, однажды даже Зверева, но в основном новых». Сейчас заказов нет. «Все боится идти, на еду трагит. Многие студии позакрывались уже».

— Я думал изначально закупиться едой и никуда не выходить. Но сколько можно просидеть? Неделю, нудве. Кому-то везет, шатаются по городу и ничего.

Садятся в машину.

— Какие версии? Откуда вирус? — Саша спрашивает фельдшеров. Они молчат.

— Все вирусы на Земле из космоса. Вы знаете, что метеорит упал в Китае? Это ж

не просто так. Много вопросов. Почему заболел Китай, а потом все остальные?

Вот вы смотрели мультфильм Симпсоны? Предсказали выборы Трампа и пандемию. Что китайцы чихнут в коробку, коробку — на доставку по Али Экспресс. И все начинают болеть. Вот кто их сценарист? Все говорят, что он из будущего.

Новенькая поликлиника. Пуфики, полы под дерево.

— Сейчас к вам врач подойдет, измеряет сатурацию. Бояться ничего не нужно.

Николай и Михаил сбрасывают костюмы, опрыскивают машину. Острый запах чувствуется через респиратор.

Николай говорит:

— Раньше на бабушек ворчали с давлением, теперь думаем — как бы хорошо к ним поехать.

— Да.

— Но коронавирус хоть разогнал выпивох. У нас же центр. Бары, клубы, рестораны. Люди конфликтные. С пятницы на субботу, с субботы на воскресенье уже знаешь, что поедешь. Они будут гулять и обычно — драки, перцовые баллончики, падения. На последних ступеньках падают. И на ушиб мозга ездил, и дерутся часто. В основном, пьяные травмы. А выпивающие граждане, они склонны снимать на телефон, грубить, хамить. При сотрудниках полиции полегче. А есть прямо проклятые места — «Крейзи Дейзи», «ТоДаСе», «Гадкий койот». Как ни ночь, едем.

— На Малой Дмитровской, где Известия-холл, у них там гнездо, — говорит Михаил.

— Нагрузка больше, пробок меньше стало, доезды улучшились. Быстрее доезжаем! — говорит Николай. — И вот однажды была история...

СТРАНИЦЫ 6-7 ⇨

ВЫЗОВ 2

← СТРАНИЦЫ 4–5

Квартира в новенькой многоэтажке, ремонт. Выцветшие, измученные лица. Женщина, ее муж, их взрослый сын — Лариса, Александр Николаевич, Дима. Болеют все. Дима работает на скорой в ФМБА. «Но не факт, что на работе. Можно было в любом месте подхватить».

Первая заболела мама. Сейчас вызывают на отца. Грузный, большой мужчина, медленные движения. Дима стоит рядом, помогает собирать коллегам анамнез. Говорят, «поликлиника» к ним ни разу не приходила. «Сами себе все прописываем».

— Сначала в районе 37,5, потом выше. Сейчас 38,6. У нас состояние стабильное. Амоксиклав. Интерферон в нос капаем. У него еще язвенная болезнь желудка, пьет омез.

— От давления он пьет, — говорит Лариса. — И мемантин для памяти.

Витая люстра, пластиковая лепнина над окном. Многоэтажки до горизонта.

— Аллергии нет на лекарства?

Николай уходит смотреть ЭКГ. Александра Николаевича кладут на диван, налепляют датчики.

— А почему ФМБА? Почему в ЦЭЛТ не пошли? — Николай спрашивает Диму.

— А сейчас поздновато.

— Там есть места? Если на будущее рассматривать?

— Нам главное, чтобы человек коллективный был.

Михаил звонит диспетчеру, согласует «самотек». Осматривают Ларису. У нее поднималась температура на полтора дня, небольшая, 37,5. Потом температура ушла. Потом пропало обоняние. «До сих пор еду жую, как тряпки», — ее лицо коверкает отвращение.

Александр Николаевич одевает куртку и садится на табуретку.

— Ты меня слышишь или нет?

Курточку сними, — просит Лариса. — Дим, разберись с ним. И так температура!

— Жарко. Если мне уже тяжело... — говорит Михаил.

Заполняют карту вызовов, два добровольных согласия.

— Куртку-то снимите, перегреете.

— Да он сам.

— Куртку-то...

— Да он сам!

— В паспорте в очках он?

— КТ сделаем и расскажем, есть проблемы с легкими или нет.

— С ним можно поехать? Он еще такой препарат принимает, — Лариса показывает на акатинол для лечения деменции. — Он сам не справится.

Михаил открывает планшет, открывает приложение. Отмечает «зарегистрированные лица в очаге».

Увозят обоих.

На улице начинается дождь. Лариса и Александр Николаевич под одним зонтиком идут от скорой к дверям поликлиники. От поликлиники охранник отгоняет подростков, пришедших проверить «на всякий случай».

— Мужчина, примерно 42 года. Температура девять дней и не хотел в скорую и в поликлинику. Отвезли в КТ-центр, там дыхательная недостаточность второй степени, одышка в покое 34 раза, сатурация в районе 88. Дали ему кислород. И на глазах стало легче дышать. Вот такая еще история была, — говорит Николай.

ВЫЗОВ

Это офицерское общежитие Семеновского полка. Пустую улицу патрулируют два парня в полной выкладке, антенна рации поднимается над головой. В дверях стоит женщина с распущенными волосами. Ее зовут Светлана.

Она говорит, что у нее пневмония. Фельдшеры неторопливо поднимаются за ней. Потом скажут, что «пневмонийных сразу видно».

Мы поднимаемся в узкую крохотную комнату. Стол от кроватей отделяет шкаф. Книжная полка — «Психопаты», «Мужчины с Марса, женщины с Венеры», «Психосоматика и психотравма».

Рядом — кукольный домик. Девочка лет пяти смотрит внимательно на белые костюмы.

Коронавирусом болен Дима, муж Светланы.

— В части мазок прямо брали. У всех брали мазки, сейчас у всех наших берут. Не чувствую я запахов и вкусов.

— Апельсин режу — не чувствует, — подтверждает Светлана. — А я лежать не могу на левой стороне.

— Левая-правая рука не болела? — спрашивает Михаил.

— Нет... Третий день, сначала как ОРВИ обычная. В левой части чуть-чуть побаливает, невралгия, переживаю сильно.

— Сатурация 97, давление 110 и 70. Нужна будет грудная клетка полностью. Сейчас я все подготовлю, — говорит Николай.

Нацепляет присоски кардиографа на грудь. «Теперь просто лежать, не разговаривать».

Дима смотрит на свою жену. Светлана успокаивается с каждой секундой. Николай начинает простукивать грудную клетку.

— Это не сердечная боль. Нужно точку найти, которая будет болеть. Она отдает в сторону, когда нажимаю, или болит в одном месте?

— Да скорее всего это сквозняк, — признает Светлана. — Комната маленькая такая, мы проветриваем все время.

— Если вы прикреплены к госпиталю, на данном этапе ничего трагического нет, — говорит Михаил.

— Чем коронавирус лечится? — спрашивает Дима.

— Антибактериальная, противовирусная, иммунная...

— Бромгексин дали, сказали — всё, здоров, — отвечает Дима.

— Фурацилином полоскаем, — говорит Светлана.

— На КТ возили вас?

— Машину ждем. Машина будет, отвезет группу людей. Все централизованно.

— У военных все по особенному, — кивает Николай.

— Ну поняла, — говорит Светлана.

— Она все равно заболит. Или уже болеет — бессимптомно. Нереально на такой площади не заболеть. Казарма.

— А наша часть стояла в лесу, — говорит Михаил. — Тверская область. Солдаты бегали в «Сочи» — самовольное оставление части — на автозаправку. Потом пять суток на губе.

— У нас и 15 за это давали.

Выясняется, что водитель Александр — старший лейтенант, ребята изумляются: «думали, максимум старшина».

Ветер кидается листьями.

— Эти тополя никак не отмываются с пола машины. Что за весна!

СТРАНИЦЫ 8-9 ⇨

ВЫЗОВ 4

Многоэтажку приходится обходить — дверь со двора закрыта наглухо, и фельдшеры карабкаются на склон по молодой траве.

Маленькая квартира. Запах кошачьей мочи. Одна кошка прячется под диваном, другой кот прыгает по шкафам — красивый, холеный, пушистый и длинный. «Его зовут Барсик», — говорит хозяйка.

Старушка с добрым растерянным лицом, глаза в очках. Ее зовут Алла Ивановна. Она говорит:

— Март, апрель и май я болела. А 27-го числа меня стало знобить как рыбу об лед.

То наоборот жара и пот градом, как из горячего душа. 37,4, а ночью — 39, а на следующую ночь — 38,8.

— Что ощущаете в грудной клетке?

— Как-то колет.

Выясняется, что болела воспалением легких четыре раза.

— Столько болею. Если бы не грех, я бы что-то сделала. Так как грех большой. Понимаете меня?

— Вы находитесь в группе риска. Знаете, зачем мы приехали?

— Я сама медик, лаборант заслуженный. Медаль Бакулева.

— Я вас перебивать не буду, но сейчас надо минутку помолчать, — Николай делает ЭКГ. Приходится переделывать — маленький крестик попал под датчик.

— Впочках — новообразование, в носу — новообразование...

— Врач сказала, у вас пневмония, но куда поехать не предложила?

— Мой друг говорит про меня: «Эта девушка перенесла столько, что и на десять лет...»

— Вам обязательно надо в больницу ехать. Слышите меня?

— Мои будут приходить кошек кормить. Вещи с собой надо брать, — отвечает Алла Ивановна и продолжает сидеть на месте.

— У вас температура высокая, в больнице доктор вас осмотрит.

— У меня кашель начинается со рвоты. Мокрота вязкая, белая... Мне надо в больницу, чтоб к дому поближе. И коронавируса где лежат.

— Вы не хотите с коронавирусом лежать? — спрашивает Николай. — Но у вас же тоже — коронавирус.

— Там пожилым что-то делают, и они умирают. А вкус пропал — ничего не могу есть. Рот сохнет от еды.

На кровати — плюшевая игрушка колли. Над кроватью — потемневший портрет мужчины. «А это мой муж. У него было шунтирование, потом рак», — говорит Алла Ивановна.

— 21 февраля мне исполнилось 80 лет.

— Отмечали? Вот и хорошо, вот и правильно.

Меряют температуру, сатурацию, считают пульс. Переглядываются.

Шкафы забиты книгами — Мэри Хиггинс Кларк, «Единственный свидетель», «Три мужа и ротвейлер». «Позволь называть тебя милой», «Лунный свет тебе к лицу», «Возьми мое сердце». «Раньше были исторические, потом были иронические, потом ничего».

— Вам не надо кому? Я уже все прочитала. Все-все!

Собирает пакет: «Пижама тут лежит, трусы. Полотенчик беру?»

— Еще разочек вас надо сфотографировать.

— Сердце в ушах...

— Успокаиваемся, все будет хорошо. У вас уже десять дней температура. Это много. Обязательно надо в больницу.

— Видите — как бомжиха, даже не смогла ничего...

— Спокойно, вы приболели.

Михаил тихо говорит Николаю:

— У нее пять по NEWS. Но все равно в группе риска.

— Забираем, да.

Михаил выходит звонить на балкон. В зелени поднимаются трубы ТЭЦ. Говорит в планшет:

— Консультировались с заведующим на стационар.

— На пульс почему не звонили? Какой еще заведующий? — отвечает женщина из планшета.

— Комков его фамилия.

В углу — россыпь икон. Среди них — репродукция «Тайной вечери» Да Винчи.

— Я помолюсь, — говорит Алла Ивановна.

Начинает креститься на угол:

— Господь Саваоф. Предтече, все святые. Сохрани моих близких.

Касается пола.

— Телефон взяли. И зарядку? Хорошо.

Выходит и крестится, и касается асфальта. Ее сажают в машину. Женщина на балконе третьего этажа несмело поднимает руку вслед.

Тополя роняют молодые сережки, ветер.

⇐ СТРАНИЦЫ 8-9

48-я подстанция, коронавирусная реанимационная бригада

Таких бригад — реанимационных, ковидных — в Москве всего три. Эта бригада номер 491. Они работают вместе уже 15 лет. Фельдшер Михаил Васильевич Шилин и врач Иван Анатольевич Бокарев по прозвищу Викинг. У него бритая голова и роскошная рыжая борода. Ивану 40 лет, Михаилу — 50.

Сейчас выезда нет, и Михаил лежит в кресле в комнате отдыха. Иван читает про аппарат ИВЛ Reanimator F120 или «Штефан». Неиспользуемый, резервный «Штефан», который позволяет реанимировать даже недоношенных новорожденных, обнаружилась на одной из подстанций скорой, и после раунда переговоров заведующих его должны отдать бригаде.

— Я его только примерно представляю. Прикрепить-то мы его прикрепим, но куда?

— В шкафу нету места. Вытащим что-нибудь.

— Чтобы вытащить что-то ненужное, надо ненужное положить... Если только на кардиостимулятор запихать растворы.

Что помещается в их машину? Иван делает глубокий вдох:

— Два аппарата LTV-1200 — два ИВЛ. Три перфузора. Один кардиомонитор, один дефибриллятор-монитор. Два аспиратора — механический, электрический. Два кардиостимулятора. Термоконтейнер для растворов. Акушерский набор, травматологический набор. Реанимационный набор. Укладка — сумка наша врачебная. Два электрокардиографа. Аппарат для обеззараживания воздуха «Дезар», потом ультрафиолетовая лампа, аппарат автоматической компрессии «Автопульс». Вакуумный матрас, транспортный щит. Эпидемическая укладка. Наборы для проведения текущей дезинфекции — это разные там и растворы, и салфетки. Кислородные баллоны 10-литровые и 2-литровые, несколько штук. Противоожоговая укладка. Кислородный редуктор-ингалятор. Токсикологический набор. Костюмы красивые.

Михаил то и дело проверяет телефон. У Михаила болеет старший сын. Коронавирус. Он работает на 46-й подстанции, тоже фельдшером, собирался поступать на врача. Болеет легко. Младший сын учится на фельдшера, ему 19. Продолжает учиться дистанционно, «и вообще с утра до вечера теперь». «Жена не медик, но обязанности санитарки уже может исполнять».

Чтобы продолжать работать, Михаил живет отдельно от семьи. «Предвидя, переехал. Очень удачно получается, я не контактировал». «Да у тебя там вообще чумной барак!» «Так и есть. В квартире масочный режим. Полотенца кипятят с хлоркой. Больной из комнаты выходит по двум надобностям». Показывает фотографии: старший сын — спортсмен, качок, красавец, младший — в очках, светлые волосы, ровный спокойный взгляд.

Иван познакомился с женой на подстанции, когда сам был фельдшером. И она была фельдшером. Теперь оба врачи. Она сейчас в декрете. Их сыновьям два года и девять месяцев. Иван Анатольевич живет с ними и очень старается не заболеть. Его брат работает в 50-й больнице реаниматологом. Его сестра тоже врач.

Я думаю про кастовость этой работы — целые семьи отдают себя единственной цели. Почему? Возможно, в какой-то момент само понятие «личный выбор» теряет значение, становится неважным, лишним.

Сутки перед дежурством на скорой Иван работает на «медицине катастроф» — летает на вертолете — массовые ДТП, межгоспитальные перевозки. Вертолету и силам, которых хватает на вертолет, завидует вся подстанция, Михаил общуивает, не переставая. Иван в ответ дразнит его «перебежчиком» — в 90-е, когда нечего было жрать, Михаил уходил в страховую медицину. Вернулся. На скорой он почти 30 лет. «Сложно объяснить, да? Для Москвы наша работа дикая. Можно же в офисе с 9.00 до 17.00 в костюме укулера, с печенюшками, на каршеринге домой, пятница-суббота затусить, выходных столько в году и праздников — и ни за что не отвечаешь».

— Кто пойдет, если нет поддержки? — говорит Иван. — Мои однокурсники пошли наращивать брови, приклеивать ногти. За ординатуру плати два миллиона и выходи на зарплату 20 тысяч.

— Вечерние отделения закрыли, — говорит Михаил. — А теперь мы, оказывается, герои.

СТРАНИЦЫ 12-13 ⇨

↩ СТРАНИЦЫ 10–11

Такие бригады чаще всего перевозят самых тяжелых между больницами. Но первый вызов оказывается на квартиру. Вызывает сотрудница оперативного отдела скорой — у нее болен муж, и она очень испугана. «Там все очень страшно, везти аккуратно, все в курсе», — предупреждает диспетчер.

Переодеваются в машине, подальше от глаз. «Соседи скажут, чумная бригада приехала». Иван перевязывает бороду синей резинкой. Поверх обычных натягивается вторая пара перчаток — ла-

тексные, тянучие, «работать только в них неудобно».

Оказывается, у водителя нет очков. — Санек, их теперь не выбрасывают, а обрабатывают. Очки я тебе выдам, но это одноразовая акция!

Район многоэтажек, бабушка с пакетами замороженно смотрит на «белых человечков».

— Температура, КТ сделали, показало легкой степени, — говорит женщина с порога. — Три дня пили таваник. Таваник 500, азитромицин 500, шипучий витамин антигриппозный. Вот этот кашель открылся сегодня! Температура скачет туда-сюда...

Людмила. Ее муж Сергей лежит в спальне, розовые тяжелые шторы не пропускают свет. Он болен пять дней, а она заболела недавно, после него. Сильный кашель. Кашель забивает, боль в мышцах.

— Такой нескромный вопрос — в больницу поедете? — конкретизирует Иван.

— Как доктор считает. Я была на сутках, вернулась, а тут кашель, одышка, не может дышать, — 38, 38,5, потом упала до 37. Но ночью мокрый какмышь.

— Постановление подписал, полных лет 45, инфарктов, инсультов нет, — рапортует Сергей.

— До туалета доходите, одышка есть? До кухни доходите, одышка есть? — спрашивает Иван. — Короче. Отдыхается до туалета — это край. Это значит, он уже в больнице должен быть. До кухни дошел с одышкой — собираемся в больницу. Пульсоксиметр приобретается...

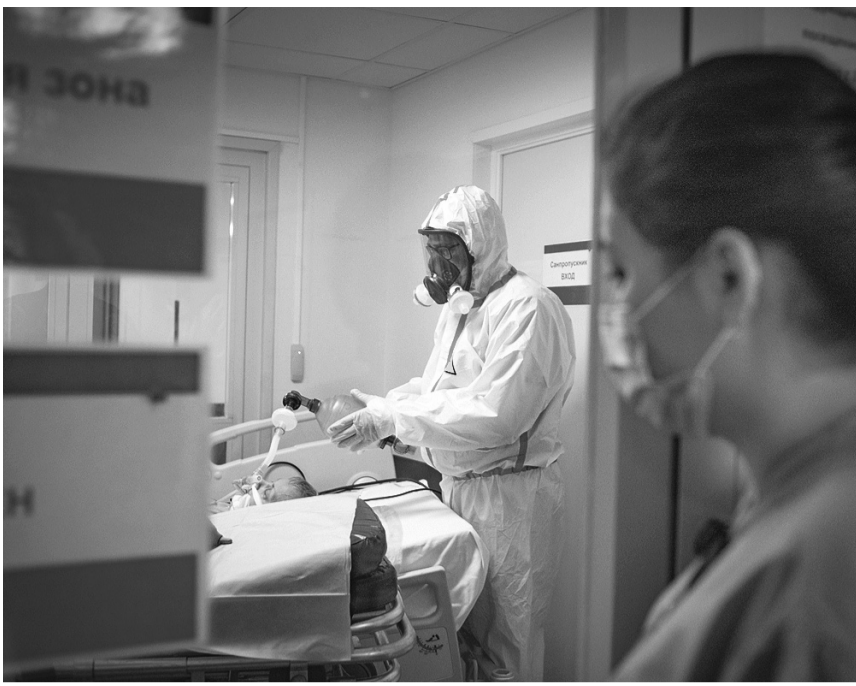
— Мы купим! Он дыхательную гимнастику делает. По 45 раз в день может ложиться на живот, чтоб облегчить дыхание себе. Нельзя же жить на животе.

— Я вас уверяю, что живут. Но до этого лучше не доводить.

— Я так разнервничалась, так страшно.

ВЫЗОВ 1

ВЫЗОВ 2

БОЛЬНИЦА X — БОЛЬНИЦА Y*

— Я решил худеть, питаться правильно, — говорит Михаил. — Потому что джинсы не налезат, все.

— Так новые джинсы купи! — смеется Иван.

— Джинсы только купил. Никто ж не знал, что такая беда в стране наступит.

— Жена вчера час велотренажер крутила. Потом звонит — температура 37. Если ты час крутила и не задыхаешься, пока не болеешь.

— Салатик из овощей буду есть. А пирожки твой не буду!

Скорая ползет по территории.

— Ты там был? — спрашивает Иван водителя Сашу.

— Где ковидное? Цветное полукрашенное. Там отдельный въезд.

— Вдоль заборчика прокрадемся, увидишь ворота. На прошлой неделе мы только сюда на аппарате притаскивали.

Здесь под коронавирус отдали два корпуса.

— Монитор возьмем? Дефибриллятор возьмем?

Наклеивают на костюмы значки биологической опасности. Костюмы здесь называют «китайцами», оригинальные тайвеки редкость и очень ценятся. Заколочками закрепляют очки за ушами. Смотрят друг на друга внимательно.

Кислородный баллон, ИВЛ, фиксатор для головы, перфузоры для дозированного введения лекарств. Михаил закатывает грузеную каталку одним движением двух рук.

Отделение «Лечение острых эндотоксикозов».

— Пациентку вывезут в шлюз. А вы примете. У пациентки дренаж на сердце, чтоб закрыли, — доктор Мурад протягивает зажим для бумаг. — Она дышала в бипапе, переключили на сипап. Она не спит, в полном сознании. А с одеялами...

— У нас есть одеяло. А чего вы ее переводите?

— Ей нужна хирургия. У нас тут хирургический экстренный стационар, мы хирургию стараемся чистой держать. А ей нужна хирургия под COVID. Было аортокоронарное шунтирование, в январе плановая операция. На месте торакотомии — инфицирование. Началось воспаление средостения, хрящи реберные от гноя расплавились. И еще COVID сверху. На каком этапе произошло, никто не знает. Высокий риск всего.

Пока везут пациентку, Миша вступает в переговоры с медсестрами и отбалтывает бутылочку геля для рук.

Пожилая женщина плотно опутана проводами. Ее выкатывают в шлюз и оставляют, Миша, бормоча под нос, делает за нее вдохи мешком амбу, пока Иван подключает аппарат ИВЛ.

Вдвоем перекидывают на носилки. Заработал маленький монитор Филипс, показал давление 83/43. Миша просит норадреналин у Мурада, но оказывается, что все лекарства в грязной зоне, «везите на своем».

В машине мощно дышит ИВЛ. Иван подключает шприц к катетеру. «Миш, дай телефон мой» — на телефоне рассчитывает скорость введения препаратов.

Говорит в планшет: «Забрали, пневмония COVID подтвержденная». Женщина — в скорой. Изо рта торчит трубка, пропифол и норадреналин медленно затекают в вены, давление поднимается до 100/46.

— Саня, трогай!

У нее трагическая складка на лбу. Ее зовут так же, как мою маму.

Иван быстро читает медицинскую карту, каждые полминуты вскидывая глаза. Взгляд

прыгает на лицо, проходит по телу, упирается в монитор, возвращается в бумаги.

Миша заполняет талон к сопроводительному листу. Бюрократия даже в реанимационной скорой.

Включается сирена, и тут же водитель бьет по тормозам.

— Саня! Аккуратней!

Иван смотрит внимательно на пациентку. Вокруг глаз очки запотели. В уголке глаза собралась влага, он смаргивает, трясет головой.

— Давление 156/80, пульс 87. Выходим.

— Приготовили талон? Направо.

— Че там, Саня?

— Там машина стоит.

Приемное отделение тоже со значком биохазард. Регистраторша приподнимается навстречу:

— А оформлять?

— На аппарате, — говорит Иван и прокапывает каталку мимо, клифтам, к реанимации.

— Здравствуйте, вот привезли.

— Почему из X, у них свой центр, — говорит женщина-врач. Иван молчит. — И че нам с этим делать, скажите?

Ярко-розовые стены. Громко пищит ИВЛ. — Я не знала, что X на нашу реанимацию работает. Вообще с ума сошли! Куда складывать?

— Мы только довозим...

— Хорошо, аппарат освободился...

Каталку еще не выкатили из реанимации. Женщина накрыта с головой. Темные мягкие волосы выбиваются из-под простыни. На лбу лежит справка. Кубики и цветочки на простыне, детское нарядное белье.

Деять мест в палате. Пять человек в СИЗах, обходя мертвую, встают кругом у свободной каталки.

— Дыхательный контур.

— В какой больнице?

— Мы стараемся...

Живую подключают к последнему ИВЛ. Миша начинает переговоры про норадреналин.

— 40 пациентов на норадреналине, — говорит врач. — Мы сами ходили кланчили. Вам одного, а нам на 40 растянуть надо.

Стоим под серым круглым боком больницы. По стене бегут веселые желто-зеленые клеточки.

— Они построили центр и переделали под COVID.

Я понимаю, откуда нарядные простыни. Машина уже обработана, но Михаил начинает опрыскивать все заново.

— Параноик!

— Ты, может быть, жив благодаря моей паранойе, — бурчит Михаил.

— «Коммунарка» заказывает 11 респираторов. Я их с поставщиками сведу.

— Нет в тебе коммерческой жилки.

— Мы все в одной тарелке.

— А норадреналин нам не дали. Ни в X, ни здесь. «Везите на своем».

Михаил обливается хлорным раствором себя и Ивана, из другой бутылки прыскает в лицо, на очки. Снимают костюмы. Форменная майка Михаила пропотела вся, он ее снимает, пытается отжать. Водитель Саша предлагает положить ее на двигатель.

— Синие костюмы намного лучше, чем эти китайцы. В следующий раз я штаны сниму!

Говорят про врача Евгения, который каждый день ездит на работу 40 километров на велосипеде. «Купил в Новой Москве квартиру и там изолировался».

— Он маньяк, он всю семью на велики пересадил. Вот я и думаю...

— Тебя пересадить. Тебе нужна длинная усиленная рама. Ты ж еще не похудел.

* Здесь и далее названия больниц заменены символами по решению главного редактора

ВЫЗОВ 3

ГОСПИТАЛЬ N — БОЛЬНИЦА X

← СТРАНИЦЫ 12–13

Э тот госпиталь одним из первых сделали ковидным. Здесь самый строгий эпидрежим из всех, что я видела. Медики госпиталя проклеивают малярным скотчем все швы тайвека, заклеивают им же участки кожи на лице. Памперсы тоже в ходу.

Женщина за ширмой в сознании, смотрит на толпу. У нее большое тело и лицо ботичеллевского ангела.

— Была переведена на ИВЛ, трахеостома со вчера. Договоренность со с X есть, вся история, КТ. Чего у меня еще есть — телефон, прописка, данные...

Принтер едва работает, и врач обещает перекинуть историю болезни на телефон.

Люди лежат вперемешку — в коме, во сне, в сознании. Между некоторыми кроватями — ширмы. В соседнем зале лежат старики. Старуха в прон-позиции, на животе, перебирает рукой белье. Девушка с красно-золотым маникюром аккуратно ощупывает свое тело.

В реанимации есть пустое место. Кровать заправлена. Подушка треугольником, одеяло перечеркивает простыню. Почему-то на это страшно смотреть.

За окнами блестит молодая зелень.

Женщина делает знак рукой. Медбрат Гэсэр с черными звездочками на СИЗе дает ей пачку из-под ампул. Она пишет: «Мои вещи и телефон, документы».

— За сохранность отвечаем, не переживайте. Покатайтесь сейчас, не пугайтесь. Потревожим вас немножко.

Михаил чихает.

— Ковидный кашель, все начинается с чиха, — говорит Иван.

Никто не смеется.

Доктор Александр Леонидович санирует трубкой в горле женщины. «Потерпи, потерпи». Ее ноги дрожат. Врачи быстро отсоединяют ИВЛ.

— Кашляем, кашляем!

Заходится кашлем. Ее мгновенно переключают на другой аппарат.

— Слышите меня? Не пугайтесь! Слышите? Всё.

Ставят поверх каталки подставку для аппарата. Одевают пульсоксиметр на палец, присоединяют к груди провода. Вставляют шприцы в трубки, трубки ведут к катетерам, кладут в ноги.

— Сейчас голову положим. Повернем голову. Ничего, сейчас в машину.

Снаружи бешено цветут яблони. Перед нашей скорой — лужа, с неба падает дождь.

В машине над самой головой — люк в потолке. В люке проносятся дома. Женщина смотрит на крыши, слеза выкатывается на висок. Она дышит аппаратом ИВЛ. Глаза полны слез на абсолютно безэмоциональном лице. Лицо экономит силы. Она смотрит на Ивана. Иван читает заключительный эпикриз на телефоне.

Ее зовут Любовь Сергеевна. Ее глаза темно-серые, сизые, цвета неба.

Белая струя лекарства течет по шее. Катетер немного пропускает. Любовь Сергеевна усилием перекалывает неудобно лежавшую губу. Иван поправляет катетер. Они смотрят друг на друга.

Она пристегнута ремнями к кушетке. В носу корка засохшей крови. Она снова пытается разомкнуть губы, но сил не хватает. Иван переводит взгляд на монитор.

Принимать не торопятся, и Иван врет, что кислорода в баллоне на пять минут.

— Кислород мы вам дадим, — и ведут быстрыми коридорами.

— Вы здесь проедете?

Справа каталка, слева — другая, с черным длинным мешком. В мешке — тело. На мешке — шестизначный номер. Не имя.

— У вас вентилятор далеко находится? Она без кислорода!

— Эта кровать должна стоять на тормозе, чтобы ехать, — объясняет одна медсестра другой.

— Мне уже тяжело, я уже немножко похудел, — говорит Миша.

— После этой эпидемии у многих будет шрам на шее.

— Слишком большая фракция кислорода — 80 процентов.

— Всё, отвезли уже, Вань. Выдыхай. Ты такой нервный, потому что не спишь.

— Если я еще буду спать, а с детьми повозиться когда? Сыну два. Папа пошел спать. Это как так? Он не поймет.

— И долго так?

— Десять лет уже так. Пока хватает.

— А у меня — шторы. Шторы опустить и спать, — говорит Саша. — Но тоже — как спать? Я после смены приехал. «Пап, ты спишь? Там жуки майские летают». Я говорю: «Ну, пойдём». И до десяти вечера ловили. А вчера не было жуков.

— Я уже давно водку не употребляю. После таких-то суток... Идешь, качаешься.

Курят в беседке в углу территории, пока машина кварцуется. Водитель Саша (на скорой десять лет, с кризиса 2008-го, до этого работал в банке) говорит, что «путинские» ему до сих пор не выдали. Автокомбинат не относится к скорой помощи, контроля за ним никакого. Все получили стандартную зарплату 45 тысяч*.

— Настоящих буйных мало, — говорит Иван.

— Водители так же тащат носилки, закатывают, контактируют с пациентом...

— У нас половина водителей болеет, — говорит Саша. — Работать некому, машины стоят. И что?

— А до Саши у нас был другой водитель. Очень боялся заразиться. Так хотел уйти. Ушел от нас на линию и сразу цапанул.

— Конечно, там рисков больше. Там и не знаешь, что COVID.

— Он за жену переживал, у него жена с бронхиальной астмой, он боялся, что принесет ей. Сейчас 2-я инфекция, Соколинка, лежит.

— Я сразу понял, что не потянет, — говорит Саша. — Не пьет, бледненький.

— А вам не страшно?

— Мне? Нет.

— Почему?

— Я в разведке немножко служил по молодости. Карабах, Средняя Азия. Просто командировки были небольшие. Поэтому как бы ничего такого... страшнее я еще пока не видел.

— Закончили мойку и обработку, готовы работать, — говорит Иван в телефоне.

* Московским водителям уже выдали надбавку.

СТРАНИЦЫ 16–17 ⇨

ВЫЗОВ 4

ГКБ №... — ГКБ №...

На планшет приходит сообщение:
*«острый инфаркт
Отд ОРПТ 2, этаж 2*

*Вир пневмония, состояние тяжелое
AD130/80 PS66 ИД с96 сознание ясное».*

— Саня, членовредитель!
— Костя, Маша — в неотложных.
В лечебных — Володя, Маша, Чемодан,
Харитон, — надиктовывает в планшет
Михаил.

Это буквенное обозначение манипу-
ляций прошлого вызова. Володя — кар-
диограмма, Маша — монитор, Чемодан —
пульсоксиметр, Харитон — насос с ле-
карствами, Костя — неотложная вакуум-
аспирация.

— Здесь Крутицкое подворье красивое
слева. Авпереди — Дубровка, где террористы
захватили Норд-Ост.

В машине — горький запах прожарки
после кварцевания. Снаружи — холодный
май. Женщина в розовом шарфе смеется
в телефон, люди на остановке курят без
масок, девочка перебегает дорогу.

— Вам — в кардиореанимацию, а хи-
рургический — справа по прямой, — гово-
рит охранник.

— Манжеты забыли в Х. От монитора.
— У нас их целый набор.
— Все равно жалко манжеты.

В отделении темно и тихо. «Нас здесь не
ждут», — говорит Иван.

— С четырех утра болел. Состояние
его абсолютно стабильное. А так КТ-3,
тяжеленькое, — говорит женщина-врач
в ординаторской. — Мужик из Киргизии.

Документов нет. Работал дворником здесь
непонятно где.

— Родственники?

— Есть родственники. Он по-русски
плохо понимает.

— У-у-у-у, — тянет Иван.

— Да мы ему все объяснили. Что лежать
до завтрашнего утра.

Выходят к койкам.

— Сююнбек! До завтрашнего утра надо
лежать. Ни садиться, ничего!

— Хорошо, хорошо, — говорит мужчина.

— Болотная вода, — шепчет бабушка
на соседней кровати, на руке расплывается
синяк. — Болотная вода.

На кровати — листок: Пелагея
Михайловна, 93 года.

— Вы что, журналисты? Про героев
писать приехали? — говорит ординатор. —
Вспомнили о нас на период пандемии, спа-
сибо! А потом забудете, как героев афганской
войны.

Человек — мужчина или женщина — пла-
чет на соседней койке.

— Вода болотная, холодная, — говорит
Пелагея Михайловна.

— Чего, моя хорошая? — говорит медсе-
стра. — Тебе ледяную надо? Я ж тебе специ-
ально теплую сделала. Сейчас, наберу другую
кружечку.

— Уу, уу! — говорит человек.

Сююнбек тоже просит воды. Ему не
дают — «вырвать может по дороге».

— Просто пить хочется и все, — говорит
Сююнбек на чистейшем русском. Под одно-
разовой простыней поднимаются налитые
бугры мышц. На левой руке армейская та-
туировка — «ЗаКВО — Краснознаменный
Закавказский военный округ.

Пulsь 101, частый.

Сююнбек просит телефон. Открывает
WhatsApp. Звонит дочери — и лицо мо-
лодой девушки склоняется над каталкой,
освещает его лицо.

Рука путается в проводах от приборов.
Ему жарко. На долгий разговор не хвата-
ет сил.

Эта больница — гигантская. Бесконеч-
ный коридор, с одного конца не видно дру-
гого. Два этажа заняты под реанимацию. Вся
больница — красная зона.

Жалобные звуки, бабушка скулит.

— Вот вам стабильный пациент, — гово-
рит Иван. — Для разнообразия.

— Как ты себя чувствуешь? Сколько тем-
пература? — говорит Михаил в трубку. — Все
понятно. Как мама? Чем занят? Маму беречь,
мамы это такое.

— Он там в тряпичной маске? — спра-
шивает Иван. — ЗМ-ку нельзя — там клапан
выдоха открыт.

— Ты мне лекцию решил прочитать?

— Я со всей осторожностью напоминаю.

— Ты меня бесишь 15 лет.

— А дальше энцефалопатия будет
только нарастать!

— Здесь два быстровозводимых кор-
пуса построили. И еще два будут строить.
А вот видишь огни? Это их роддом, теперь
весь для рожениц с ковидом.

Михаил в очередной раз перестерилизо-
вал машину и сел на мокрое сиденье.

— Буду теперь заполнять карту вызова
в мокрых штанах.

— Так тебе не в первый раз.

Навстречу едут бесконечные машины,
как будто нет карантин. Оба проваливают-
ся в сон.

СТРАНИЦЫ 18–19 ⇨

ВЫЗОВ 5

← СТРАНИЦЫ 16–17

— **К**уда пойдешь? Больше ничего не умеем. Тяжело работать там, где ненавидишь. Ну тяжело каталки реанимационные таскать, физически утомительно. Но вроде спокойно переношишь. Вроде польза от нас людям есть.

Михаил заполняет бумаги. Иван спит крепким сном, бережет силы для своих детей.

— Наверное, нравится работа. Она динамичная. Каждый вызов — это вызов. Не знаешь, с чем столкнешься. Адреналин. Быстро, точно, в короткий срок. Приятно, когда спасаешь жизнь. Когда умирал и вдруг ожил.

— Бывает, что не успеваешь?

— Один случай в несколько лет, — говорит Иван. Он уже не спит. — Когда другая бригада не справляется и нас вызывают на себя, а время потеряно. Человек не просто так умирает. Длительная гипоксия мозга, тканей. Или тяжелое заболевание — организм на реанимацию не реагирует. Дети реанимируются хорошо. Пожилые с тяжелыми хроническими болезнями реанимируются плохо. Человек, который долго болеет, плохо реанимируется. Отклик слабый или нет. Уже все делаешь, значит, пробуешь. Вот и с ковидом. До сих пор непонятно, почему у одних нормально протекает, сопли, у других два дня и пневмония развивается, и на вентиляторе.

Вот сейчас на тяжелого едем, уже тяжелый. Можно не брать. Если нетранспортбельный. Оцениваем состояние — довезем его или нет. Что не говори, машина скорой — это не реанимация, где есть доступ, все свободно, все под рукой. До крайнего случая не надо доводить. А больницы нам умирающих спихивают.

— Ну не надо так-то говорить, — пугается Михаил.

— А что, я не прав? Если есть хоть какой-нибудь шанс перевести — переводят. Вот сейчас едем. КТ-4 — легких нет. Гигантская вазопрессорная поддержка. Пишут, что медикаментозная седация, но там кома наверняка.

— Мимо едем, в Х заедем? Манжеты от Филиппа в Х.

— Как ты манжеты-то потерял?

— Потому что нефига трогать наших больных. Помощники! Я их отгоняю, а они с другой стороны кинулись, семь человек. Они и сняли. Манжеты-то жалко.

— Хоть бы одну поездку туда.

— Может, через центр поедем назад.

Та же реанимация. Пустая койка уже занята — там женщина с остановившимся лицом, без сознания. Нашего больного моют. Видно только задранный подбородок с пушистой белой бородой. Михаил и Иван смотрят на приборы, потом друг на друга.

— Седации нет, он какой-то никакой, — признается доктор. — Девчонки, дайте пробочку закрыть зонд. Берете?

— Берем.

— Хватайте! — медики в тайвеках со всех сторон забираются на кровать. Мужчину поднимают двенадцать рук.

— На бочок. На одну сторону и на другую! Выше!

— У вас почему участки кожи открыты? — подходит Гэсэр. — Заклеить вас?

— Частота стоит 24, — объясняет врач.

— 157/87, сатурация 98, — под нос говорит Иван.

Уже по выходу из реанимации видно, что Иван измазался в крови — на правой руке больного была рана. Частый пульс бьется звуком, и пока водитель рассказывает про дочь-судью и внуков, я прислушиваюсь к каждому писку.

Навстречу в ночь выходят пять девушек в тайвеках. Смотрят бумаги.

— Очень тяжелое состояние, — говорит Иван. — У него такое, когда нужно ставить ЭКМО. И почки не работают.

— Покажите пациента, — говорит одна. Смотрит внутрь машины.

— Фракция?

— Фракция 55 процентов.

— А с кем согласован перевод?

— С главврачом.

— А с чего все начиналось?

— С пневмонии.

— Он без седации?

— Кома. На фоне общей интоксикации — полиорганная недостаточность, и почки, и печень.

— Ладно, поехали, поехали!

— Есть такое Пя-озеро. Возле Полярного круга, — говорит Иван. — В июле поеду. В середине июля. Рыбу можно половить. Кумжа, паляя. Форель в реках. Крым и Карелия, не люблю за границу. Или просто мало где был.

— Крым не откроют в этом году, — говорит Михаил. — И отпуск может твой перенесут, как и апрельские.

— По питерской, в районе Чудово уходим, выскакиваем на проселочную. Полицейских нет и медицины нет. Раз едем — видим: семейная пара, под фуру попали. Остановились, а они мертвые, дальше поехали, скорую минут через 40 встретили только. В Кизи съездить хотим.

— Я с ним в Карелию не поеду, — говорит Михаил.

— Я тебя муравьям скормлю!

— И это он в центре Москвы говорит, а что там будет!

— МКАД в 300 метрах, Вешняки — это ему центр Москвы!

Михаил отходит звонить, возвращается тихий.

— У младшего температура 37,5. Тоже заболел, все.

— Там вообще холерный барак.

— Чё, может, подтопим чуток? Холодно.

СТРАНИЦЫ 20–21 ⇨

ГОСПИТАЛЬ N — ГКБ №...

ВЫЗОВ 6

ФИЛИАЛ МНОГОПРОФИЛЬНОЙ КЛИНИКИ — ГКБ №...

← СТРАНИЦЫ 18–19

— **В**ызов давно висит, они уже подпрыгивают.
— Отделение спец 8. Это не психбольница случайно?

— Что мы, дураков не видели? Сколько ехать-то?
— 15 минут.

— 70 лет, сознание ясное. Она там последняя пациентка. Больницу отдают под COVID. Ее вывезем — будут кислород проводить.

Встречные знаки отражают синие огни мигалок. 15-минутный сон.

— Уже поют птички, просыпайтесь, — кричит водитель.

— Шашлык с вином, при прохладе — чай с клубничкой. Отчего мне хочется на дачу?

Отчего это происходит именно ночью? — говорит Михаил, натягивая «китайца».

Идем километровыми подвалами.

Кудрявая женщина сидит на кровати и не торопится вставать.

— Выписку не потеряем, ножку вам повредим, — уговаривает ее Михаил.

— Сколько уже времени? Почему вы так поздно приехали?

За окном поднимается черный лес.

Врачи говорят на посту:

— Какую-то фигню прислали. «Согласуйте количество анализов». Какой-то бред сумасшедшего — зачем?

— С голубой полоской костюмы — чуть полегче. Дошла, по спине течет. Я уже похудела на 15 килограммов.

— Слышал? — кивает Иван Михаилу.

— Зачем это все? — говорит пациентка. Ее зовут Тамара Павловна. Она дышит со свистом.

Ее везут на коляске по подвальных коридорам. Перегружают в машину.

— Свет нужен?

— Какое-то время. Ладно, гаси.

Темнота.

— Голова кружится, — говорит Тамара Павловна из темноты. — Дышать тяжело, а так ничего. Я заболела 25-го числа. Лежала в 71-й пять дней. Домой пришла, хуже, теперь сюда. Теперь отсюда. Я говорю: «Доктор, у меня давление, куда ж вы меня отправляете?»

В больнице Михаил подкатывает ее к двери ординаторской. Иван садится на скамью и немедленно засыпает.

— Гипертоническая болезнь сердца, бронхиальная астма, — говорит Михаил.

— Не сказать, что хорошо. Одышка, сухость во рту. Вторая группа, не работаю.

— Доктор пишет, что подтвержденный COVID, пишет, от какого числа подтвержденный. А в выписке написано — неподтвержденный.

— Пусть будет подтвержденный.

— Дай ему подзатыльник. Опять все облил.

— Нормально? Университетское образование!

Полчаса на обработку машины. Растирают лица и руки спиртом. Иван обильно мочит бороду, вычесывает пальцами. Пары спирта забираются в нос, и за ними не слышно запахов травы, земли, листьев, мокрого дерева.

Оглушительно поют птицы. Ночь выцветает. Медики дышат полной грудью и не спешат доставать сигареты.

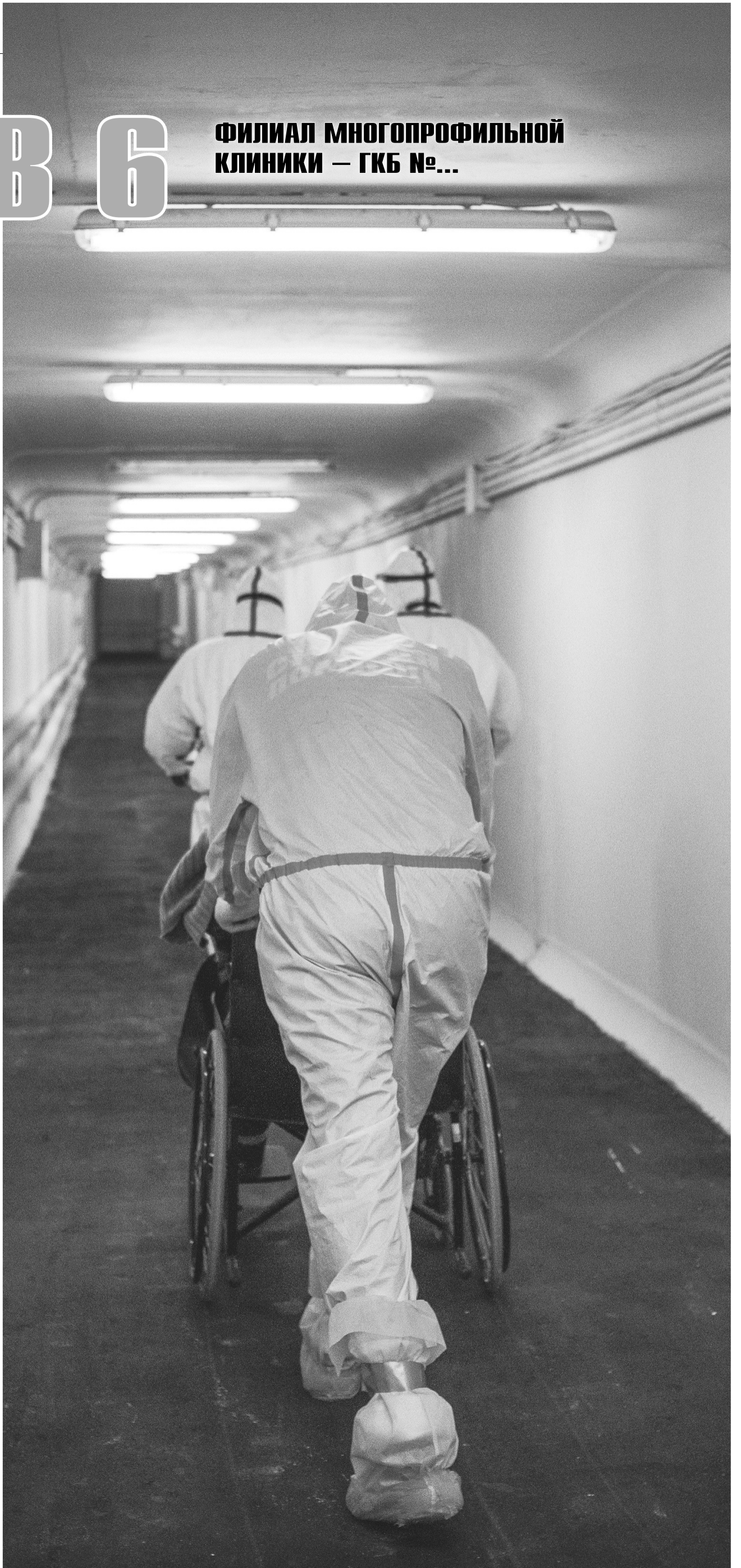
— Я в лифте хожу не в маске даже — в респираторе, — говорит Михаил. — Мне страшно! А продавщицы в нашем продуктовом полтора месяца работают без масок. Хотел спросить, потом думаю, зачем, нарвешься еще. Народ мрет, как косой косит. Я дома не рассказываю то, что вижу, не говорю жене. Зачем? Говорю, что опасно, сиди дома. Сейчас потеплеет и все повылезут. Нет, это не отрицание. Когда страшно, сидят дома тихо. Это какая-то вселенская глупость.

— Вышки 5G облучают, — говорит Иван. — Чипируют. Я листал комментарии, пишут — все постанова, в тайвеках актеры переодетые.

— Столько информации из 15-й, из 52-й. Сколько их лежат и какие. Из Италии несложно посмотреть. Там подробнее, чем у нас, показывают.

Вот снять одним кадром 15-ю реанимацию и сказать — мест нет. Носите маски.

Пугать уже надо. А ведь скажут, что пугаешь?

— **А** оттуда на ужин. Поужинаем в семь утра.
— Панкреатит, делирий, вазопрессоры... Про COVID не говорят! Чистый пациент — получается!

Созваниваются с диспетчером. Диспетчер говорит: «Вам в сторону дома ехать. Остальные вызовы в область».

— ПЦР отрицательный. Не, не-ковидный, клянутся. 96 на ингаляции с дофамином.

— Чего мы приехали нековидного возить?

— Там у него инфузomat и кислород.

— Выключай свет.

За окном потихоньку начинает светать.

Грязные ступни, ссадины на коленях, исхудавшее спящее лицо. Памперс, ноги

ВЫЗОВ 7

НАРКОЛОГИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА — ГКБ ИМЕНИ R

и руки привязаны к койке тряпками, торчат углами.

— Вязки?

— Да он вам ничем. Он лежит тихо.

— Сидируете?

— Нет, он в делирии, не с нами.

— Панкреатогенный шок. Легкими отекал у нас, — говорит мужчина в черной хирургической пижаме. — COVID не подтвержден.

— У нас кислородных масок больше нет, — говорит женщина за его спиной. — В чемодане, вот и все. И кислород на соплях держится. Журналисты, напишете, что у нас оборудование устаревшее?

— Может, со светом поедет? — рычит Михаил на Ивана в машине, и он включает свет. Засыпает. Михаил остается смотреть на мужчину.

Он очень, очень худой. Кислородная маска, проводочек идет к монитору. Катетер в левой руке. Неровная сердечная кривая.

В R в комнате сестры-хозяйки спят три врача.

Это «чистая» больница. Пока — «чистая». Наши тайвеки тут смотрятся дико. Уборщица в маске косится на нас как на инопланетян и быстро обмывает пол вокруг.

— **С** тарший дай бог поступит в этом году. В 3-й мед в прошлом не поступил. Сейчас конкурс, может, пониже будет. Такая реклама сейчас. Станешь врачом, пойдешь в COVID и ***.

Михаил и Иван обливают спиртовым «Эталем» лица. Оба фыркают, как тюлени.

— Перекос есть, да? Мировой перекося. Оказывается, футбол не так важен и гонорары их. Теннис не важен. А вот сантехник важен, если кран прорвет. Или мы.

На улице светло. Вдали дезинфекционная машина — женщины в белых комбинезонах поливают асфальт раствором.

— Сейчас сдам смену. Дома — горячий чай с лимоном и обязательно с сахаром, глюкоза из крови вымывается. И спать, — говорит Михаил.

— Горячий душ и побыть с детьми, — отвечает Иван.

— Я на тебя посмотрю через десять лет. Десять лет сказываются, знаешь ли.

— Ты энцефалопатом будешь, себя помнишь не будешь.

— Ты меня уже сливаешь!

— Ты сам сольешься!

— Ну если по дороге к машине заблужусь, тогда да! Ничего, старший поступит. Будет тебе смена!

На обратном пути успевают забрать потерянные манжеты.

Надо успеть поесть за 20 минут. За полтора месяца только один раз было, что после ужина досидели без вызовов до конца смены, до 8.30.

— Когда работаешь без паузы, есть не очень хочется, думаешь, надо поесть, когда лежишь, — говорит Михаил. — Врастаешь в диван.

— А чего майонез-то?

— А чем?

— Оливковым маслом.

— Я же не грек. А без жиров витамин не усваивается.

Жуют.

— Никакого парада в этом году. Ни генеральной репетиции — это с самолетами, — говорит Михаил. — В том году тоже облачность была низкая, кто был на репетиции, увидели. А воздушного парада не было. Обычно самолеты с сыновьями смотрим с той стороны Васильевского спуска, где Балчуг Кемпински, — они прямо на тебя вылетают. А технику ходили на Тверскую смотреть. Она выезжает с Ходынского поля, где 67-я больница рядом.

— Наша победа будет позже. Нашу победу отметим потом.

Вызова не поступает, и Михаил уходит готовить машину. Объясняет фельдшеру-сменщику: «Два флакона «Эталя» спрятаны в тряпках, еще есть».

На первом этаже в дежурке людно. Галдеж, смех, вздохи, мат. Часть линейных бригад сейчас работает в составе одного человека. Коронавирус. Новости: рабочие пропуски продлили до 22 июня.

— 17113 ножевое.

— Сейчас везде будут хрипы.

— ***, другого слова нет, по-другому не сказать.

— Выраженного психомоторного возбуждения не было.

— Алло, Саш, разбудил тебя? Разбудил. Слушай!

— Ищи свою бригаду.

— Температура исчезла, а одышка осталась.

У него температура была 12 дней, 12!

— Кеторол и носилки.

— 17217 принимайте вещи.

— Тяжелое состояние, ребенок 22 дня без ИВЛ. Контактный. Я поставила неподтвержденный, причем мамаша боится, а сама болеет.

— 116 здесь, здрасте!

— У меня две было госпитализации.

— 48115974.

— Так, Надежда Ивановна...

— Они не бывают мокрые.

— Трупные все те же.

— 491 — вызывай врачебную бригаду.

Женщина рядом со мной придвигается ближе. Показывает бумаги.

— Все ли вызовы и всё ли заполнили — это сверка. Сверка карты вызова с компьютерными данными. Когда бригада заканчивает вызов, диспетчер в компьютер забивает информацию. Данные, диагноз, что делали, время. Потом, когда возвращаешься, надо все проверить. Обычно сверку вместе заполняют, но фельдшер сам заполнить может. Вот у меня сегодня 11 вызовов и длительная госпитализация. Вы к нам работать пришли? Вы врач? Жаль.

— **Чего героического мы делаем?** — говорит Михаил. — **Что мы за сегодняшнюю смену героического совершили?** Да ничего. Герои — это когда подводная лодка, скорлупка, а со всех сторон сжимает вода. Или летчики если. Герои — это другие люди.

Я думаю про Александру, которая не Наталья, про Михаила с татуировкой на руке и Николая, который читает «Моби Дика», про Ивана и Михаила. Про людей ниже этажом. Про женщину, которая спросила, не врач ли я. Человеческая сеть, которая подхватит, постарается подхватить перед темной.

Михаил и Иван берут у себя маски. Из носа и из зева — шпатель надо глубоко вводить, и Михаил откашливается и жалуется.

Диктует сонному Ивану — ФИО, дата рождения, сегодняшнее число, время ставь. «Ты так спал — я уж хотел за тебя сдавать».

— Ты под сомнением.

— Это я-то под сомнением? Кто нас дезинфицирует-то?

Это будут отрицательные мазки — для обоих. А следующий — положительный для Михаила. Он болен коронавирусом. Теперь он вместе со своей семьей.

Елена КОСТЮЧЕНКО,
Юрий КОЗЫРЕВ (фото),
«Новая»

О НЕДОПОНИМАНИИ

Мы следили за ситуацией в Китае, там она началась примерно в конце ноября. 27 февраля в Москве появился пациент, зараженный коронавирусом, на транзитном рейсе. Рейс, по-моему, был из Ирана. Мы считаем, это начало работы — 27 февраля. Потом уже эпидемия перестала быть привязанной к людям, которые приехали из-за границы. Она уже стала внутренним фактором. И, на мой взгляд, это одна из причин недопонимания среди населения сегодня. У всех как-то укоренилось в голове, что вот приезжие, они завезли нам коронавирус, они во всем виноваты. Но ситуация уже стала внутренней, мы говорим о циркуляции коронавируса среди населения России. Совсем не обязательно куда-либо ехать, уже совсем не обязательно даже близко контактировать с очевидно больным человеком, чтобы заразиться коронавирусом. Это недопонимание приводит к тому, что заболевших становится все больше.

Нет понимания, что нужно мыть руки, нужно надевать перчатки, когда ты идешь в магазин, выбираешь продукты. Что нужно протереть то, что ты принес домой, антисептиком или хотя бы тряпкой, смоченной в воде с мылом. Вот такие вроде элементарные вещи — они почему-то людьми не соблюдаются. Когда я еду на работу, периодически стараюсь пройтись пешком по Москве, прогуляться. И изо дня в день вижу одну и ту же картину: люди ходят без масок. Я уж не говорю про перчатки, это вообще эксклюзив. Еще можно понять человека, который идет один. Но люди идут по двое, по трое, все равно маски они не надевают. А учитывая, что у 60 процентов заболевших болезнь протекает в легкой форме и бессимптомно, любой человек может являться носителем инфекции. Где-то был контакт — вы его не заметили. У вас появляется коронавирус, а никакой клиники (явных симптомов. — Ред.) нет. Вы являетесь потенциальным распространителем этого заболевания. Вот в чем коварство этой ситуации. И на мой взгляд, пока до конца все это не осознают, эпидемия будет продолжаться. И даже не эпидемия, а пандемия объявлена во всем мире.

ОБ АЛГОРИТМЕ РАБОТЫ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Когда все только начиналось, на коронавирус выезжали определенные бригады. Они, в принципе, сейчас у нас остались, их 250, и мы стараемся на первичные вызовы отправлять именно их. Хотя когда уже столько пациентов, как сейчас, и вирус свободно гуляет по городам и весям, такой необходимости уже нет. Каждая бригада должна быть готова к тому, что она поедет на такого пациента.

Мы разработали целую систему инфекционной безопасности, которая включает разные поводы для вызовов. Повод быть может на пациента с уже заранее известной коронавирусной инфекцией, может быть повод на вызов на пневмонию, а пневмония — это уже высокая вероятность коронавируса. У кого-то может быть просто температура, и там требуется меньше защиты. Есть целый разработанный документ для подстанций: дезинфекционный режим соответствующий, кварцевание, проведение дополнительных генеральных уборок. Обязательное надевание на пациента маски, эвакуация пациента только в маске, ношение маски на подстанции персоналом. Максимальное разобщение в период между вызовами. Хотя сейчас таких периодов очень мало.

«ПЕРЕБОЛЕВ УЖЕ ВЫХОДЯТ

Мы ежедневно получаем списки Роспотребнадзора с первично выявленными зараженными людьми. Все они попадают в нашу информационную систему. Если потом кто-то из них вызывает скорую помощь, скажем, на боль в животе, то при приеме вызова система все равно определяет его как заболевшего коронавирусом. И еще у всех бригад есть планшеты, через которые они могут по пути к пациенту связаться с ним и тоже какие-то уточнения сделать. То есть бригада уже понимает, чего им ждать у данного пациента, нужно ли одевать средства защиты. У нас их достаточно, мы и сами их закупаем, и нам их выдает Депздрав централизованно.

Не все первичные пациенты с коронавирусом требуют нашего реагирования. Почти у 60 процентов нет клинических проявлений. Они остаются дома, к ним приходят из поликлиники. К части пациентов выезжаем мы. В день мы делаем до 500 таких выездов. Дальнейшая тактика зависит от клиники: часть пациентов эвакуируем в больницу, часть остается дома. Смотрим на окружение этого человека. Если с ним живут люди, которые относятся к группе риска: «хроники», пожилые люди, беременные, мы предлагаем ему поехать в обсерватор. Мы разобщаем его тесный контакт с людьми, которые могут в последующем заболеть тяжелой формой коронавирусной инфекции. А им вручается постановление о карантине. Они две недели должны находиться дома по этому адресу или по другому, который они выбирают. Их фотографируют, дан-

ные поступают в систему распознавания лиц, которая потом помогает нарушителей карантина обнаруживать, вернуть их или опять в карантин, или направить в обсерватор.

Легкие пациенты доставляются в амбулаторные КТ-центры. Их у нас сейчас развернуто 48, в день через них проходит около 4 тысяч человек, из которых примерно 1,5 тысячи доставляем мы. Москва предложила такой вариант — я считаю, очень правильный. Такого опыта нет ни в одной стране мира. Он позволяет провести быструю диагностику, оценить состояние легких. И очень важно — там же люди получают бесплатные лекарственные препараты. Легкая форма должна лечиться дома.

О НАГРУЗКЕ

Нагрузка по количеству вызовов выросла примерно на 25–30 процентов. Количество первичных обращений, то есть звонков справочного характера, — больше чем на 50 процентов. Если вы посмотрите социальную рекламу в телевизоре, там хорошо описаны все симптомы коронавируса, все здорово, а дальше идет фраза: «Заболели — телефон 112 или 103». Хотя такой необходимости нет. Поэтому приходится привлекать дополнительно врачей, чтобы они вели вот такую работу разъяснительную. В некоторые дни количество звонков доходило до 25 тысяч. Где и как сдать мазок, как узнать результаты, а вот у меня вчера два

раза был кашель... Конечно, это очень нагружает. Есть несколько горячих линий: Роспотребнадзор, Департамент здравоохранения, колл-центры. Люди ведь продолжают болеть инфарктами, инсультами, к этим людям тоже нужно выезжать, лечить их, доставлять в больницу. Мы справляемся, мы немножко перестроились.

Вообще Скорая помощь в этом плане организация уникальная. Очень быстрая адаптация к ситуации. Люди видели за свою практику и страшные вещи, и различные массовые аварии, я уж не буду говорить про теракты. То есть очень большой жизненный опыт, умение быстро ориентироваться в ситуации, когда нет консилиума под рукой. Хотя мы дистанционный консилиум организовали, всегда можно позвонить врачу, проконсультироваться. Но все равно решения надо принимать быстро. Понятно, что есть и кардиограф, есть пульсоксиметр, есть другие вещи, но все равно рентгена нет, томографа нет, лаборатории нет, как в больницах. Поэтому у наших сотрудников очень хорошо развита медицинская интуиция. Она, безусловно, помогла нам адаптироваться к работе в эпидемический период.

Многие сотрудники перенесли отпуска с апреля, мая и июня, мы попросили их об этом. Ну, во-первых, куда можно поехать? Это будет домашний карантин или дачный карантин. С другой стороны, надо помочь организации. Мы с этой точки зрения к ним обратились. И никто практически не отказал, им огромное спасибо. Я считаю, что работа на

переднем крае — это работа героическая. Надо отдать должное сотрудникам, они к этому относятся с пониманием. Они действительно герои.

Штат не увеличился. С 1 апреля мы продлили работу порядка 30 бригад с полусуточных до суток. У нас сотрудников больше 12 тысяч человек. Градообразующее предприятие, как раньше говорили в советское время. Мы самая большая медицинская организация в мире. Мы даже превосходим госпи-

ний — 30–40 процентов сотрудников. У нас таких цифр нет, мы идем в пределах 4–5 процентов. Мы занимаемся еще и профилактикой. Есть утвержденные схемы медикаментозной профилактики для медперсонала. Мы тоже их внедрили.

Многие [переболевшие] сотрудники уже начали выходить на работу. Всем в обязательном порядке делаем экспресс-тесты на наличие антител к коронавирусу. Но опять мы должны вернуться в самое начало: на сегодняшний день вирус уже

Компенсация тем, кто заболел, — это у нас пока обсуждается. Там два варианта: либо будет предлагаться единовременная компенсация, либо какой-то вариант страхования. Пока решение не принято.

Умершие среди сотрудников есть. И не только у нас. Это тема, которую мы пока трогать не будем. Во-первых, они не погибли, они умерли — это разные вещи. И не во всех случаях можно соотнести с коронавирусной инфекцией. Об этом

Пациенты средней и легкой степени — через приемное отделение. Сейчас, если больницы работают на COVID, этого нет. Все пациенты идут только через инфекционный шлюз приемного отделения. Понятно, что время увеличивается. Раньше привезли пациента с аппендицитом, в карточке расписались, передали, уехали. Всё, 5–10 минут.

Город большой, и даже при идеальной маршрутизации пациента все равно сложно просчитать, когда бригада приедет в приемное отделение больницы. Бывает так, что из пяти точек бригады выехали в разное время, а приехали практически в одно. Естественно, образуется очередь. И в этом нет ничего особенного, я не знаю, почему была такая реакция [на фотографии очередей]. Это было однократно. Это было связано с тем, что как раз было дневное время, больницы занимались выпиской, они не успели до конца подготовить палаты к новым пациентам. Пришлось подождать, но люди были в машинах скорой помощи, они были под наблюдением квалифицированного персонала, они же не сидели где-то на лавочке.

Эпидемия вносит свои коррективы. Важно понимать, почему у приемного отделения может стоять до 10 машин. Не потому, что некуда — клиник в городе достаточно, места распределяются, все это контролируется. Но маршрутизация может привести к таким вот моментам появления нескольких карет скорой помощи у ворот приемного отделения. Больницы перестроились, увеличили количество принимающих бригад, количество боксов для приема пациентов. Есть методики, которые позволяют понять ситуацию, сделать выводы и провести корректировку. Поскольку количество пациентов увеличивается, раз в неделю — десять дней происходит корректировка алгоритмов действий. Это обязательное условие работы в эпидемии. Нельзя начать эпидемию с пяти больных и работать точно так же, когда больных десятки тысяч. Нужно меняться.

Николай Филиппович ПЛАВУНОВ, главный врач Скорой помощи Москвы — о том, как справляются с коронавирусом медики, город и общество. И он сам

ШИЕ СОТРУДНИКИ НА РАБОТУ»

таль Хопкинса в Америке по количеству медработников.

Недавно нам предложили медсестер из стоматологических поликлиник, там нет сейчас плановой помощи, у них объем работ снизился. Мы провели небольшой отбор. И я думаю, что мы сможем их привлечь к работе в качестве операторов диспетчерского центра. У нас есть дистанционные обучающие программы, мы уже их в эти программы вовлекли, будем приглашать небольшими группами, проводить контрольные занятия, подсаживать к кураторам, которые будут уже на рабочих местах обучать методике работы. Я думаю, что у них получится. Люди с опытом медицинской работы, с образованием. Сделаем еще рабочие места.

У нас в штате есть клинические психологи. Мы сделали такую функцию на образовательном портале: можно или задать свой вопрос психологу, или оставить свой контакт, психолог перезвонит, чтобы пообщаться, обсудить сложную ситуацию.

О ЗАБОЛЕВШИХ СОТРУДНИКАХ

У нас работает система тотального мониторинга сотрудников, которые контактируют с пациентами с коронавирусной инфекцией. Все заносится в информационную систему, и если [у одного сотрудника] появляется положительный мазок, другой контактный сотрудник бригады тоже уходит на карантин. Мы обеспечиваем сотрудников лечением, развозим все препараты им на дом. Ежедневно им звонят руководители подстанции, уточняют состояние здоровья, оказывают необходимую социальную поддержку. Если мы видим, что у человека отрицательная динамика, мы его тут же эвакуируем в больницу. Я постоянно интересуюсь у главных врачей о состоянии здоровья сотрудников, которые находятся в больницах. Их не так много, слава богу. Наши зарубежные коллеги пишут, что в Италии, Испании, Америке гигантские цифры заболева-

ушел в население, в популяцию. Персонал от пациентов защищен. Он одет, обут, очки. А заражение может произойти и в быту. Транспорт, магазины, общение с родственниками, у которых может быть бессимптомное течение.

Вот, пожалуйста: я заразился, не оказывая медицинскую помощь. Трудно сказать, где. Два заместителя у меня заразились. Они тоже непосредственную помощь больным не оказывали. Сначала заболел заместитель, потом мы все сдали мазки. А потом уже проявились клинические проявления. Получив положительный мазок, я ушел в карантин. Вот в этих стенах я прожил почти месяц. Видите, вентиляция до сих пор заклеена? Там дальше есть комната отдыха, там я спал. Приемная была шлюзом. Там стоял аппарат для генерации ультрафиолетовых лучей, туда мне занесли документы, я работал в перчатках, подносил туда документы, их забирали, через шлюз мне передавали еду.

Была интоксикация, было ухудшение на КТ. Ночью я ходил в Склиф, там мне делали контрольные анализы, томографию. У нас есть секретная калитка тут со Склифом. Открывали замок, и я заходил. Коллеги помогали в этом отношении. А так — я был в работе, полный рабочий день. 14–16 часов, как обычно. Мне поставили видеоселектор, и я участвовал во всех совещаниях и с департаментом, и с правительством Москвы. Каждый день я разговариваю по телефону от 13 до 14 часов. Снимаю маску, чтобы разблокировать телефон. Он не опознает меня в маске.

Именно вот активная позиция в период заболевания, она способствует, как мне кажется, выздоровлению. Заместители тоже болели, и все работали на дистанционке, даже когда лежали в больницах. И документы они получали, и писали активно, помогали нам. И сотрудники, находясь дома на карантине, активно участвуют в жизни подстанции.

Семья меня поддерживала, еду мне передавали. В день получения результатов анализа я перестал чувствовать запах и вкус. Мог только представлять. Абсолютно пропадает аппетит. Просто понимаешь, что нужно поесть. Я до сих пор ем два раза в день, больше не хочется.

писать преждевременно. Указ президента, связанный вот с этими выплатами [при смерти медиков от коронавируса], только вышел, и пока правоприменение его непонятно. Нет ни постановления правительства, ни приказа Минздрава.

О ДОПЛАТАХ

Каждое воскресенье мы проводим вебинар. Собирается до пяти тысяч участников. Обсуждаем нашу работу, в чате идут вопросы, я на них отвечаю. Не обязательно вопросы, касающиеся диагностики, — просто социального характера. О заработной плате. Допустим, мы на год ввели мораторий на квалификационные категории. Категория заканчивается, а это очень приличная надбавка к заработной плате у нас. Понятно, что аттестационная комиссия сейчас не работает. И вот всем, у кого категория закончилась 1 февраля, она решением Минздрава продлена до 1 января следующего года. Люди спокойны, и в зарплате никто ничего не потерял.

За апрель доплаты [за работу с коронавирусными больными] поступили. Мы их все уже начислили. 50 [тысяч] — врачам, 25 — фельдшерам и медсестрам. Но мы, даже не дожидаясь доплаты, с марта ввели свои доплаты персоналу. Город выделил свои доплаты: 50 — врачам, 30 — фельдшерам и медсестрам. Люди очень благодарны.

ОБ ОЧЕРЕДЯХ ИЗ МАШИН СКОРОЙ ПОМОЩИ У БОЛЬНИЦ

Эпидемия имеет свои особенности. Возьмем многопрофильную больницу. Если у пациента инфаркт, он идет напрямую в кардиореанимацию. Пациент с инсультом — в неврологическую реанимацию. Пациенты с другой тяжелой патологией — в общую реанимацию.

О ПЕРЕМЕНАХ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

На сегодня, на мой взгляд, в плане эффективной схемы лечения накоплен достаточно большой опыт — и наш, и международный. Понятно, что, пока не будет сделана вакцина, штамм будет циркулировать, и заболевшие будут. Европа и США называют примерные сроки разработки вакцины — октябрь–ноябрь. Сообщают, что начали испытания на добровольцах, это уже хорошо. И у нас ведется разработка вакцины.

Что может поменять пандемия? Первое — она должна добавить дисциплины вообще людям. В Китае ведь только жесткая дисциплина помогла справиться с коронавирусной инфекцией. И очень важный момент — что, может быть, наконец люди начнут понимать значимость медицинской профессии. Ведь сегодня, по сути, в роли спасителей человечества выступают именно медицинские работники. Именно от их действий зависит человеческая жизнь. Люди начинают задумываться о том, почему вирусолог, реаниматолог получают две-три тысячи евро в месяц, а футболист — 100 миллионов в год? С точки зрения пользы для людей-то! Бегают футболист — кому-то нравится, кому-то нет. А что он делает-то? А тут врач спасает людей, и он, получается, недооценен.

Я очень надеюсь, что эпидемия приведет к переоценке значимости медицинской профессии, в том числе с точки зрения выбора профессии новым поколением. Но главное, что она повлияла на отношение людей. Лишь бы это не закончилось после пандемии.